

Близость несоизмеримого

-8 ОКТ 1966

В МАЛОЙ СЦЕНЕ театра им. Руставели (Тбилиси) 29 сентября шла детская сказка «Чинчрака». Спектакль начинался в восемь, ребят в силу этого было не так уж много, но зал тем не менее был набит битком. Что же было в этом представлении такого, что показывали его в юбилейные руставелевские дни, не опасаясь, видно, что не соберет оно публики, которой была предоставлена возможность провести вечер куда более заманчиво, чем на этой пьесе. Но ни другие юбилейные «мероприятия», ни просто улицы города, по-летнему теплого, удивительно красивого и оживленного, не смогли перебить охоты пойти именно на «Чинчраку». Людям хотелось видеть Серго Закариадзе, как, впрочем, и всех тех, кто был занят с ним в этом простодушном и прелестном действе.

«Чинчрака» — сказка действительно и по-настоящему детская. «Добрый молодцам урок» в ней самый откровенный: будь храбрым, будь верным, будь честным, и тогда все сложится прекрасно. Взрослым этой истины (при всей ее привлекательности) чуть маловато, актерам, как видно, тоже, и они предлагают (разумеется, в полном согласии с постановщиком М. Туманишвили) свой вариант пьесы. Это все та же история о храбром крестьянском мальчишке Чинчраке, который с помощью маленькой принцессы сумел провести глупого Дэва и выгнать его из своего родного края, однако история, преображенная фантазией художников, их способностью жить собственным вымыслом. И тут пальма первенства все-таки принадлежит Закариадзе, предложившему такой вариант Бах-бах Дэва, что даже вспоминать его без удовольствия и то невозможно.

Дело тут даже не в том, как он играет, — просто, мило, умно, лукаво, пластично, а в народных истоках созданного актером образа. Ведь только там сугубо отрицательный герой может смело и убедительно сочетать хитрость и простодушие, злость и наивность, глупость, но такую уж большую глупость, что этого нахального завоевателя становится вроде и жаль. Во всяком случае, когда вместо его смешной, размазанной физиономии и большой косопалой фигуры в туги натянутых джинсах мы видим уныло обвисшие тряпки и понимаем, что все — Дэва больше не будет, нам очень хочется вернуться к началу и снова посмотреть, как это он танцует таист (не по-настоящему, конечно, но по-актерски, больше намеком на движение, чем точным его копированием) или вполне серьезно и озабоченно рассуждает о том, где же все-таки у него голова, а где ноги.

ОДНАКО не напоминаем ли и мы немножко этого чудачковатого Дэва? Где Руставели, его поэма, его действительно великолепное творение, опередившее века своим философским содержанием, своим восприятием мира и, в общем-то, при всей своей одаренности отнюдь не претендующее на программность или на новаторство, произведение грузинской сцены? Не собираемся же мы, в самом деле, ставить знак, не равенства, конечно, но чего-то соединяющего, связующего между этими двумя явлениями? На столь прямо поставленный вопрос опасно ответить столь же прямо. Конечно, разница несоизмерима, но было все-таки в этом юбилее Руставели нечто такое, что заставляло думать не только об исключительности поэта, но и о сопоставимости его гения ко всей культуре Грузии. Чувство это возникло постепенно, складывалось из многого, но, возникнув, не торопится исчезать. Может быть, и действительно есть нечто духовно общее между вершиной мирового искусства — «Витязем в тигровой шкуре» и сегодняшней жизнью грузинской культуры?

Мысль об этом приходит в голову прежде всего в самом городе — на его улицах, его площадях, в его окрестностях. Она приходит тогда, когда вы поднимаетесь по Эмбакидзе к проспекту Руставели и вдруг упираетесь во вмонтированную в стену мозаику: огромное панно с наивным солнцем в правом углу и условным изображением всей Грузии: ее районов, ее богатств, ее природных условий. Или тогда, когда вечером вы видите словно парящую над Тбилиси старинную крепость Нарикалу: контуры ее обведены огнями, и она кажется и мощной, и легкой одновременно.

А потом вы можете пройти в сторону Вака и встретиться с памятником поэту-воину Давиду Гурамишвили. Спокойный, отрешенный, прижимая к груди не меч, но книгу, стоит юноша, сила которого именно в его неподвластности проходящим событиям. Если же вы вырветесь по Военно-Грузинской дороге и проедете по ней с полчаса, то во Мцхета вас обрадует ресторан, даже если вы только зайдете и посмотрите его. И удовольствие от такой постройкой, как эта (вся она выдержана в стиле деревенского марами — помещения, где готовят вино), ничуть не оскорбит того восторга, который вы неизбежно испытаете, увидев тут же, неподалеку, знаменитый собор Светицховели.

НЕ ЗНАЕМ, кому пришла в голову эта мысль, но она действительно хороша: показать гостям Грузию всю — ее города и ее деревни, ее людей и памятники ее архитектуры. Конечно, организация есть организация, и все это понимают, однако не по принуждению собралась в стариннейшем городе Ахалцихе масса народа, чтобы присутствовать на открытии памятника Руставели. И не вежливостью были продиктованы слова приветия, произнесенные на митинге. Они родились от всего вокруг — от толп людей, сгрудившихся на улицах, крышах, окнах и балконах, от красоты природы, от сознания действительной значимости поэта и от ясного ощущения, что здесь, на его родине, он не прошлое, не звук пустой, но плоть от плоти, кость от кости своих соплеменников.

Вардзиа завершила начатое. По одну сторону Куры высится этот огромный, высеченный в скале город — с церквями и трапезными, со спусками и подъемами, со множеством комнат (в церкви мы увидели фрески, уникальные не только по красоте своей живописи, но и по свободной, вольной, светской трактовке его сюжетов и персонажей), на другом же берегу раскинулись зеленые холмы, и на склонах этих холмов стояли люди в национальных одеждах. Они пели — и главным в этом пении была их полная и абсолютная слитность с окружающим, естественность их одеяния, естественность вообще всего того, что здесь происходило в тот день. Естественность шумного праздника, импровизированных тостов и танцев. Не хватало, пожалуй, только стихов. Зазвучи здесь руставелевский цикл Ираклия Абашидзе, уже прочно вошедший в сознание любителей поэзии, или любые другие искренние строки, — их торжественный, рифмованный лад был бы здесь как нельзя к месту. Обнажились корни искусства, его почва, его основа — то, что трудно выразить, но можно почувствовать в какой-либо один момент жизни. Для нас этот момент настал именно здесь.

А ТОРЖЕСТВА все длились и длились, и ответ поэзии падал то на одно, то на другое событие. Например, на выставку, где были воспроизведены многочисленные иллюстрации к «Витязю» и к мотивам этого творения. Там торжествовала чеканка и оказалось, что древнейший материал этот как нельзя больше подходит для выражения духа Руставели. Опять-таки понимаем, что в повсеместном увлечении именно этой техникой есть дань художников моде. Но проходящее пройдет, а истинное останется. А истина — в том благородстве и изысканности линий, в той простоте и величавости, которые встают за работами братьев Очиаури, Гурули, Габашвили и многих-многих других. В Грузии верят, что искусство может влиять на человека, может формировать его исподволь, постепенно, но в конечном результате — пусть даже речь идет о поколении — заметно. И Дворец бракосочетаний становится дворцом и вкуса, и памятник тремстам арагвинцам воспитывает и патриотизм, и эстетическое чувство.

Впрочем, нет ли в этом лишь возвращения к истинным истокам народной жизни? В Дидубэ в эти дни тоже была выставка, и там мы встретили тушинские ковры и кошмы. Домодельные, никакими «художествами» не тронутые и, удивительно, по своей своей сути художественные. Но ведь придумали и из поколения в поколение сохраняют этот род работы, приносящий лишь чистую радость, обыкновенные люди. Значит, это им нужно, необходимо, может быть, и вправду, как хлеб?

В эти дни мы были уверены — да, это так. Это на самом деле так, и лишь вследствие этого юбилей поэта мог стать лично близким для многих и многих.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ,
спец. корр. «Недели».

ТБИЛИСИ.